

НА ПОЛЯХ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

УДК 111.1+130.122+130.3

ФЕНОМЕН «ПОНИМАНИЕ» В ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ ХАЙДЕГГЕРА

© С. И. Голенков

Голенков Сергей Иванович
доктор философских наук
профессор кафедры
философии гуманитарных
факультетов
Самарский национальный
исследовательский
университет
имени академика
С. П. Королёва
e-mail: sgolenkov52@gmail.com

В статье рассматриваются место, роль и устройство феномена понимания в фундаментальной онтологии Хайдеггера. Выявляется структура феномена понимания в бытии «вот» Dasein.

Ключевые слова: разомкнутость, понимание, расположение, речь, отсылание, набросок, толкование.

Феномен понимания в философии Хайдеггера играет большую роль. Именно с этим феноменом он связывает возможность постижения фундаментальных основ человеческого существования и окружающего его мира. Об этом свидетельствует целый ряд его работ: «Что это такое — философия?»; «Время картины мира»; «Наука и осмысление»; «Вопрос о технике»; «Учение Платона об истине»; «Наука и осмысление»; «Вещь» и др. Целью настоящей работы является прояснение истоков, сущности и «работы» феномена понимания в бытии человека, как они представлены в работе «Бытие и время»¹.

Феномен «понимание» в основоустройстве бытия Присутствия

*Понимание
как бытийная определенность Присутствия*

В фундаментальной онтологии феномен понимания появляется сразу, как только ставится

¹ Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. М. : Ad Marginem, 1997.

вопрос о направлении аналитики бытия. Тезисом о том, что «бытие есть бытие сущего», анализ фокусируется на сущем, бытие которого может быть предметом исследования. Здесь-то и формулируется вопрос о выборе того сущего, рассмотрение которого может прояснить смысл его бытия². Поскольку сущее есть все, о чем мы говорим, что имеем в виду, к чему имеем какое-либо отношение, а также и мы сами, то выбор сущего в качестве предмета аналитики не может быть произвольным. Онтологическим и онтическим преимуществом в вопросе о смысле бытия обладает сущее, которое есть мы сами. Это сущее Хайдеггер именует как *Присутствие*³. Онтологическое преимущество Присутствия, в качестве сущего, спрашиваемого на тему его бытия, состоит в том, что оно является основанием любой *-логики*, то есть любого научно-теоретического знания о сущем. Онтическое преимущество сущего, которое есть всегда мы сами, заключается в нашем знании о своем бытии, более того само наше бытие покоится на этом знании. Знание о том, что «Я есть», суть онтическое отличие Присутствия от любого другого сущего⁴.

Знание «Я есть» не просто рефлексия своего существования, но особое отношение к своему бытию. Это отношение конституирует само «Я есть» в его бытийной определенности, которую философ обозначает термином «понимание»⁵. Отличие Присутствия, от любого другого сущего состоит в том, что оно существует, так или иначе *понимая* как свое бытие, так и бытие в целом.

Понимание своего бытия как онтико-онтологическая определенность Присутствия подчеркивает Хайдеггер, не является феноменом онтологии, то есть не является родом «эксплицитного теоретического вопрошания». Понимание своего бытия как бытия онтологичного, есть феномен *доонтологический*⁶, феномен, на основании которого возникают и могут возникнуть всякие онтологии. Понимание своего бытия как конститутивное бытийное отношение определяет и специфику самого бытия Присутствия. Бытие Присутствия философ обозначает не термином «существование», который закрепляется им за бытием неприсутствиеразмерного сущего, а термином *экзистенция*⁷. Экзистенция — это *понимающее* бытие Присутствия.

Размыкание: расположение, понимание, речь

Определяя специфику бытия Присутствия, Хайдеггер пишет, что этому сущему свойственно бытийное отношение к своему бытию и что этим отношением его бытие ему самому разомкнуто. Присутствие, экзистируя фактично, всегда

---

² См.: Хайдеггер М. Бытие и время. С. 7.

³ См.: там же.

⁴ Ярко эта черта человеческого существования была выражена еще Майстером Экхартом: «Однажды мне подумалось... вот что: что я есмь человек, ничем не отличающийся от любого другого человека, такого же, как я; я глазею, слышу, пью, жую, подобно скоту; однако, что я есмь не принадлежит никому, как только мне самому, ни человеку, ни ангелу, ни Богу, — разве только я одно с Ним» (*Meister Eckhart. Des Morgenstern. Ausgewalt, ubersetzt und eingelertet von Hans Yiesecke. B., 1964. S. 288*).

⁵ См.: Хайдеггер М. Бытие и время. С. 12.

⁶ См.: там же.

⁷ См.: там же.

есть свое «вот». Его бытие «вот» есть то, *ради чего* Присутствие есть. Термином «ради-чего» Хайдеггер обозначает *отношение* Присутствия к своему бытию. Все, что существует устроением бытия-в-мире, существует «ради» самого Присутствия. Разомкнутость бытия Присутствия для него самого в аспекте отношения терминированного «ради-чего» Хайдеггер называет *пониманием*⁸. Отношение «ради-чего» есть изначальная расчлененность, артикулированность бытия «вот». Понимание есть артикулированная разомкнутость, открытость бытия «вот» Присутствия ему самому. Присмотримся повнимательнее к феномену разомкнутости. Что он собой представляет? Каким образом он определяется как понимание?

Разомкнутость есть «первичная конституция бытия» Присутствия. «Первичная» в том смысле, что разомкнутость есть основа устройства Присутствия. «*Присутствие есть своя разомкнутость*»⁹, — пишет Хайдеггер. А в заметке на полях добавляет комментарий к термину «есть»: «Экзистирует присутствие и только оно; соответственно экзистенция — выставленность и выстаивание в открытости вот; эк-зистенция»¹⁰. Разомкнутость и есть эта «выставленность и выстаивание в открытости вот». Размыкание в выставлении и выстаивании *открывает* Присутствию его бытие, делает его доступным для него. Эта открытость позволяет выявить конституцию бытия Присутствия, то есть те способы его бытия, которые лежат в его основоустройстве. В качестве этих способов размыкания, *равноисходно* конституирующих бытие Присутствия как экзистенцию, Хайдеггер определяет *расположение, понимание и речь*. равноисходность их заключается в том, что они не выводятся друг из друга, то есть не являются ни основаниями, ни условиями, ни причинами и т. д. друг друга. Однако, будучи равноисходным с расположением и речью, понимание составляет лишь один из феноменов разомкнутости бытия «вот» Присутствия. Рассмотрим кратко расположение и речь и их отношения с пониманием для прояснения деталей связи понимания и размыкания.

Расположением философ называет «самое знакомое и обыденное: настроение, настроенность»¹¹. В настроенности бытие «вот» Присутствия обнажается, как тягота, как врученность бытия человека Присутствию, как необходимость нести и взять на себя свое бытие. Причину этого Присутствие не знает, поскольку размыкающие возможности знания недостаточны в сравнении с исходным размыканием в настроении. В настроении Присутствие поставлено перед своим бытием как «вот», которое открывает «как оно есть» и «каково бывает» человеку. В настроенности, пишет Хайдеггер, Присутствие всегда уже по настроению разомкнуто. Однако эта разомкнутость не дана Присутствию по способу познания. В настроенной разомкнутости Присутствие кажет себя как «чистое „т а к о н о е с т ь“»¹². Существо расположения в качестве фундаментального экзистенциала в его нерелефлексивности. Рассматривая связь

⁸ См.: там же. С. 143.

⁹ См.: там же. С. 133.

¹⁰ См.: там же. С. 442.

¹¹ Там же. С. 134.

¹² Там же.

настроения со знанием и волей в бытии Присутствия, философ подчеркивает, что в определенные моменты экзистирования ни то, ни другое не имеет приоритета перед настроением. Настроение есть исходный бытийный образ Присутствия, «где оно разомкнуто самому себе до всякого знания и желания и вне рамок их размыкающего диапазона»¹³.

Таким образом, расположение представляет собой экзистенциальный основоспособ бытия Присутствия в разомкнутости своего «вот», своей фактичности до всякого знания об этой фактичности. Бытие в расположенности *уже* «определено» самой настроенностью, но *еще* не конципировано, не схвачено пониманием. «Определение» настроением основано на способности Присутствия быть *затронутым* в своей выставленности и своем выстаивании в открытости «вот», затронуту тем, что встречает Присутствие в разомкнутости своего бытия, а именно внутримирным сущим, другими и самим собой.

Речь — еще один способ размыкания «вот» бытия Присутствия. Определяя соотношение речи с расположением и пониманием, Хайдеггер специально подчеркивает, что речь в размыкании «экзистенциально равноисходна с расположением и пониманием»¹⁴. Однако этот тезис последовательно им не выдерживается. Наряду с уже представленной версией можно встретить и иные интерпретации соотношения речи с расположением и пониманием. Так на стр. 133 он утверждает: «Расположение и понимание равноисходно *обусловлены* (курсив мой. — С. Г.) *речью*»¹⁵. То есть речь одинаково выступает *условием* как расположения, так и понимания. А на стр. 164, анализируя соотношение речи, слышания и понимания, уже утверждает обратное: «Речь и слышание *основаны в понимании* (курсив мой. — С. Г.)»¹⁶. Таким образом, имеем все возможные виды отношений между пониманием и речью: понимание и речь не выводимы друг из друга, они равноисходны; речь — условие понимания; понимание — основание речи. Каково, однако, реальное, а не противоречиво декларируемое отношение речи и понимания в хайдеггеровской экзистенциальной аналитике бытия Присутствия?

Действительное положение вещей, с моей точки зрения, описывает тезис о равноисходности понимания и речи. В подтверждение тому можно привести следующие аргументы. Тезис об обусловленности понимания речью Хайдеггером просто декларируется, но никак не обосновывается. В параграфе 28 это положение находится в том месте, где он прописывает порядок изложения материала пятой главы «Бытие-в как таковое»¹⁷. Более основательно выглядит утверждение о равноисходности речи и понимания. Аргументируя его, Хайдеггер пишет, что «понятность ... всегда уже членораздельна», а речь и есть эта членораздельность понятности. «Речь есть артикуляция понятности»¹⁸. Понимание, таким образом, всегда уже артикулировано речью.

---

¹³ См.: Хайдеггер М. Бытие и время. С. 137.

¹⁴ Там же. С. 161.

¹⁵ Там же. С. 133.

¹⁶ Там же. С. 164.

¹⁷ См.: там же. С. 133.

Речь как артикуляция не только членит встречаемое, она формирует значение его, так как по сути своей является «означающим» в этом членении. Само членораздельное в речевой артикуляции он называет «целым значений», которое может быть разложено на осмысленные значения¹⁹. Речь как артикуляция не содержится ни в расположении, ни в понимании. Она им равносходна. Вместе с ними она со-конституирует разомкнутость бытия-в-мире²⁰. Но в своей равносходности они как бы «встроены» друг в друга: расположение всегда уже «понимает», а понимание всегда уже «настроено»²¹; понимание и расположение всегда артикулированы речью²²; речь как артикуляция всегда понятна и как выговоренное всегда расположена так или иначе. Все это позволяет Хайдеггеру определить речь как «значимое членение расположенной понятности бытия-в-мире»²³.

Укорененность расположения и понимания друг в друге позволяет Хайдеггеру говорить о понимании как об «опережающем размыкании»²⁴. Опережающее размыкание позволяет понять феномен разомкнутости не как простую открытость («выставленность и выстаивание в открытости вот»), но как *уже всегда тематически определенное*. Эта тематическая определенность Присутствия в своей разомкнутости и есть первичная определенность его бытия «вот». В опережающей разомкнутости Присутствию открывается оно само, мир и другие не в «что они есть», а в «как они есть». Присутствие в расположено-понимающем размыкании их *встречает*. Иначе говоря, в размыкании расположением-пониманием Присутствие получает *возможность* встретить сущее как нечто.

С другой стороны, взаимная укорененность понимания и речи раскрывает речь как способ бытийной связи Присутствия с встречным присутствием-размерным сущим (то есть с другим), а Присутствие становится способным «понимать» другого. Всякая речь как выговаривание сообщает, она всегда речь о...²⁵ В сообщающем выговаривании конституируется артикуляция понимающего бытия-друг-с-другом. «Она (речь. — С. Г.), — пишет Хайдеггер, — осуществляет «общение» сонастроенности и понятности события. Сообщение никогда не есть что-то вроде переноса переживаний, например, мнений и желаний, из глубин одного субъекта в глубины другого. Соприсутствие по сути уже очевидно в сонастроенности и в сопонимании»²⁶. Сообщающее выговаривание речи *реализует* это «со-» в расположении и понимании. Именно реализует, а не формирует, поскольку событие в разомкнутости понимания и расположения уже есть.

---

¹⁸ Там же. С. 161.

¹⁹ См.: там же.

²⁰ См.: там же. С. 162.

²¹ См.: там же. С. 142.

²² См.: там же. С. 133.

²³ См.: там же. С. 162.

²⁴ См.: там же. С. 86.

²⁵ См.: там же. С. 161, 162.

²⁶ Там же. С. 162.

*Различие понимания, расположения и речи
в размыкании бытия «вот» Присутствия*

Тезис Хайдеггера о том, что в размыкании бытия Присутствия расположение и понимание *равноисходны*, говорит о различии этих способов как бытийных определенностей Присутствия в раскрытии его бытия. Остановимся подробнее на этих различиях.

Надо отметить, что сам экзистенциал «понимание» в хайдеггеровской аналитике бытия используется в разных значениях и обозначается разными терминами. Одним из таких терминов оказывается «внятие». Смысл этого термина Хайдеггер раскрывает через внимание, сохранение и удержание²⁷. Такое раскрытие выглядит вполне логичным, если принять во внимание этимологическую связь терминов «понимание» и «внимание». Термином «внятие» Хайдеггер фиксирует аспект впускания познаваемого в свое бытие, делание его своим, о чем свидетельствуют слова «сохранение» и «удержание» в характеристике *внятия*. Другим термином, напрямую связывающим понимание с сохранением и удержанием, является термин «освоение»²⁸. Лишь освоенное можно понять. Еще одним термином, раскрывающим смысловое богатство понимания, выступает термин «вкладывание»²⁹. Этот термин, как и подобный ему «понимающее сквозное схватывание (выделено мною. — С. Г.)»³⁰, фиксирует активную сторону понимания как освоения. Наконец, одним из основных терминов аналитики Хайдеггера, раскрывающих смысловые аспекты экзистенциала понимания, является *набрасывание*³¹. Набрасывающий характер понимания позволяет размыкать Присутствию его бытие собственным, о чем речь пойдет ниже.

Все эти термины — внятие, освоение, вкладывание, схватывание, набрасывание — употребляемые Хайдеггером в прояснении существа понимания как способа размыкания, высвечивают его как *присвоение* того, что встречается в размыкании. Понять — означает присвоить, сделать своим. Понятое как присвоенное, как освоенное становится своим, «входит», «встраивается» в строй бытия Присутствия. Присвоение пониманием позволяет пониманию быть основочертой бытия Присутствия, придавать его бытию специфику *познанного бытия*, экзистенции. *Присваивающий характер понимания позволяет «узнавать» встречающееся в размыкании, осваивая его*. Присвоение пониманием выступает необходимым условием размыкания встречающегося, однако еще не позволяет прояснить его «что».

«Что» встречающегося в размыкании высвечивается пониманием в его значениях, связанных с открытием истины присваиваемого. Как открывается пониманием истина присвоенного встречаемого в размыкании? В какой своей «ипостаси» понимание размыкает истину встречаемого? Понимание, пишет Хайдеггер, в своем характере наброска экзистенциально составляет *смотрение*

---

²⁷ См.: Хайдеггер М. Бытие и время. С. 61–62.

²⁸ См.: там же. С. 86.

²⁹ См.: там же. С. 146.

³⁰ См.: там же.

³¹ См.: там же. С. 145.

Присутствия. Смотрение возможно лишь в «освещенности», каковой и является разомкнутость «вот». Иначе говоря, истина встречаемого присваивается в освещенности «понимающего смотрения»³². Такое понимающее смотрение есть видение, в котором понимающему смотрению дается встретить открытое самому по себе. Видение сущего в его открытости, то есть в истине (истина как алетейя, как несокрытость), есть нечто иное, как знание сущего. Понимание с этой своей стороны раскрывается как освещающее-смотрящее или, точнее, *уясняющее-смотрящее*. Уясняющее смотрение позволяет пониманию присвоить истину встречающегося в разомкнутости бытия «вот», то есть встретить сущее как *это* сущее. Размыкание пониманием в совокупности выявленных сторон предстает как *уясняющее-смотрящее присвоение* и обладает следующими характеристиками: оно несет в себе условия постижения истины встречающегося в разомкнутости; в модусе видения открывает истину встречаемого сущего, его «что»; способно «узнать» и свою собственную «истину» на путях «самопознания»; выступает основанием познания как способа получения знания.

Иным образом происходит размыкание расположением. Из предшествующего изложения хайдеггеровской аналитики феномена размыкания можно увидеть, что в настроенности размыкается врученность бытия Присутствию. Бытие Присутствия в этой врученности «уже есть». «Уже есть» бытия Присутствия высвечивает необходимость самой врученности так, что Присутствие не может «избежать» или «скрыться» от своего «есть»³³. В этой врученности Присутствие не знает ни «откуда и куда», ни причины и природы своего «есть», так как «размыкающие способности познания слишком недалеко идут в сравнении с исходным размыканием в настроениях»³⁴. «Знание», размыкаемое в настроении, открывает «как оно» и «каково бывает» в «так оно есть и имеет быть»³⁵. Это «так оно есть и имеет быть» обнажает структуру, строй, на-строй, рас-положение бытия «вот» Присутствия. Что собою представляет размыкающая способность расположения? Как настроением размыкается «так» бытия Присутствия?

«Так оно есть» Хайдеггер именует *брошенностью*. Брошенность означает *фактическую врученность* «бытия-вот» Присутствию³⁶. Брошенность размыкает «вот» бытия не как «воспринимающее себя-обнаружение» и не способом «вглядывания в брошенность», а как «притяжение и отшатывание»³⁷. Расположение настроенностью не рефлексивируется, а настигает Присутствие³⁸. Брошенности соответствует настигнутость. «Брошенность» и «настигнутость» не два разных процесса или состояния бытия «вот» Присутствия. Это два способа описания расположения. Брошенность указывает на врученность бытия Присутствию; настигнутость акцентирует притяжение или отшатывание в его

³² См.: там же. С. 148

³³ Это то самое «не-алиби бытия», о котором писал М. М. Бахтин.

³⁴ Хайдеггер М. Бытие и время. С. 134.

³⁵ См.: там же.

³⁶ См.: там же. С. 135.

³⁷ См.: там же.

³⁸ См.: там же. С. 136.

«так оно есть». Настроение настагает, вырастая «как способ бытия-в-мире из него самого»³⁹. Брошенность настагает бытие Присутствия в его «так оно есть».

Свою ту или иную настроенность в фактической брошенности Присутствие обретает через специфику встречи с внутримирным сущим в размыкании расположением. Дело в том, что встреча Присутствия с внутримирным сущим в размыкании расположением имеет характер *задетости*⁴⁰. Сама возможность задевающей встречи с внутримирным сущим определена тем, что Присутствие в своем бытии-в разомкнуто расположением как *затрагиваемое* и в этой возможности быть затронутым открыто миру. Присутствие задевается внутримирным сущим, поскольку «так оно есть» Присутствия есть на-строй, рас-положение. В этом задевании Присутствие настагает то или иное «так», бросая его в «так оно есть».

Размыкание расположением обладает рядом специфических характеристик: расположение размыкает бытие Присутствия брошенностью в его «так оно есть»; расположение размыкает настагая, способами притяжения и отшатывания; расположение размыкает не рефлексивно; в размыкании расположением Присутствие открывается миру, и в своей мирооткрытости Присутствие встречает внутримирно сущее; размыкание расположением внутримирного сущего имеет характер задетости, так как к устройству бытия-в Присутствия принадлежит его затрагиваемость. Эти специфические черты расположения позволяют определить специфику его размыкания как *настигающе-задевающая брошенность*. Само «задевание» здесь есть опережающее размыкание расположением. Иначе говоря задевание расположения позволяет бытию Присутствия открыться миру и себе *до* всякой артикулированности понимания.

Выявленные характеристики расположения и понимания позволяют ясно обозначить их различия как способов размыкания. Понимание в разнообразии своих аспектов уясняюще-смотрящего присвоения размыкает свое бытие из открытия своих возможностей быть, размыкает его как «возможное бытие». Расположение, в свою очередь, как настигающе-задевающая брошенность размыкает бытие Присутствия в своем «так оно есть». Оба эти способа размыкания взаимодействуют друг с другом. Расположением бытие Присутствия открывается ему самому как «готовое» к пониманию, «готовое» к встрече с самим собой. Однако, и это важно подчеркнуть, такое «предуготовление» настроенным расположением не имеет характера не только причинения, но даже черт инициирования понимания. Расположение не есть условие понимания. С другой стороны, их равноисходность в размыкании бытия Присутствия не отрицает их определенной зависимости друг от друга. Эта зависимость, в частности, проявляется в «предвосхищении» настроением понимания. «Предвосхищающий» характер расположения, как он раскрыт в экзистенциальной аналитике Хайдеггера, будет показан ниже.

Размыкание речью есть артикуляция, членение. Речь как исходный экзистенциал разомкнутости артикулирует понимание и расположение. Артикуляция исходна в понятности. «Понятность и до усваивающего толкования

---

³⁹ Хайдеггер М. Бытие и время.

⁴⁰ См.: там же. С. 136–137.

всегда уже (курсив мой. — С. Г.) членораздельна»⁴¹, — пишет Хайдеггер. Исходность артикуляции в расположении проявляется в говорении как сообщающей речи, так как говорение есть «*всегда* (курсив мой. — С. Г.) вид расположения (настроенности)»⁴².

Необходимо отметить, что размыкание речью конституирует важные для основоустройства бытия Присутствия структуры — событие и соприсутствие. Это конституирование исходит из слышания как экзистенциальной возможности речи. В слышании бытие «вот» Присутствия размыкается как событие для других и как собственная открытость для самого себя. Слышание друг друга складывает событие, конституируя тем самым бытие-в-мире как бытие-друг-с-другом. Таким образом, размыкание речью как *сообщающе-членящем выговариванием* в феномене толкования позволяет Присутствию встретить другого в модусе его присутствиеразмерного бытия.

Понимание — это отличительная черта бытия Присутствия. И, несмотря на равноисходность с ним расположения и речи в размыкании бытия Присутствия, именно пониманию принадлежит приоритет в определенности бытия Присутствия. Уже в самом начале своей аналитики Хайдеггер, определяя специфику бытия Присутствия в отличие от иных сущих, подчеркивает, что понимание своего бытия есть «бытийная определенность присутствия» и что онтическое отличие присутствия состоит в том, что оно «существует онтологично». И этого своего тезиса он последовательно придерживается на протяжении всей своей работы. Все это нацеливает на необходимость детального исследования феноменов, определяющих размыкающий характер понимания.

Многосложность устройства феномена «понимание»

Понимание и отсылание

Первым из таких феноменов, определяющих понимание как размыкание, Хайдеггер называет *отсылание*. Феномен отсылания появляется в «*Бытии и времени*» в связи с обсуждением темы мирности мира, в частности, вопроса об обнаружении в основоустройстве бытия-в-мире сущего в качестве подручного (средства). Он пишет, что феномен отсылания играет важную роль в конституировании мирности мира. Однако, как будет видно дальше, отсылание конституирует не только мир, но и разомкнутость понимания. Проясним вопрос: как отсылание конституирует размыкающие возможности понимания?

Хайдеггер рассматривает феномен отсылания на примере знака как средства отсылания, специфический характер которого состоит в *указывании*⁴³. Указание он определяет как «вид» отсылания. С формальной точки зрения отсылание есть *отнесение*. Но отношение отнесения и отсылания не регулируется отношением рода и вида, в котором отнесение можно было бы рассматривать в качестве «рода» для различных «видов» отсыланий⁴⁴. Философ специально подчеркивает формальный характер определения отсылания через отнесение,

---

⁴¹ Там же. С. 161.

⁴² Там же. С. 162.

⁴³ См.: там же. С. 77.

⁴⁴ См.: там же.

так как, по его мнению, под определение связи через отнесение попадают любые виды содержательных связей и любые способы бытия. «Всякое отсылание есть отношение, но не всякое отношение есть отсылание»⁴⁵. Он указывает в этой связи на то, что если к отсыланиям и их взаимосвязи подходить с позиции системы отношений, то сам феномен отсылания нивелируется настолько, что теряется собственное феноменальное содержание отсыланий⁴⁶.

Специфический характер отсылания Хайдеггер выявляет через указывание. «Всякая “указательность” есть отсылание, но не всякое отсылание есть указание»⁴⁷. Отсылание как указание основано в бытийной структуре бытия подручного, в его *полезности для...* Подручное, имея структуру отсылания, само по себе имеет характер отсылания. Оно всегда как средство есть то, с чем и в видах чего имеют дело. Средство всегда «для-чего», всегда в отнесении с каким-то делом. Поэтому характер бытия подручного в качестве средства раскрывается как *имение-дела*⁴⁸. Иначе говоря, бытие подручного размыкается в отсыланиях, которые указывают на него как на средство для дела. Бытийная структура отсылания допускает подручное как средство для дела. *Отсылание* — это допущение *имения-дела*.

Отсылание никогда не существует как одинокая отсылка. Оно всегда есть «целость отсыланий», система отсылок, так же как имение-дела подручного всегда включено в целость имения-дела. «Само имение-дела как бытие подручного всегда открыто лишь на основе предоткрытости целости имения-дела»⁴⁹. Имение-дела — это способ бытия сущего как средства (подручное), в которое оно высвобождено, открыто и в этой открытости допущено к встрече. «Имение-дела» есть *онтологическое* определение бытия этого сущего.

Всякое конкретное имение-дела с подручным всегда открывается из целости имения-дела. Однако сама целость имения-дела в итоге восходит к Присутствию, «с которым уже *не* может быть имения дела»⁵⁰. Конечной целью отсылания всегда выступает само Присутствие. Поэтому в любой первичной отсылке уже укоренено отнесение к Присутствию, которое Хайдеггер терминирует «ради-чего»⁵¹. Отметим, что взаимосвязь отсылок имеет своим основанием бытие Присутствия. В таком случае понимание проясняется как отсылающее размыкание. Присутствие пониманием отсылает себя всякий раз в имение-дела и тем самым размыкает свое бытие для встречи с внутримирным сущим и с миром в целом. «Для встречи» здесь нельзя понимать таким образом, что *до* встречи Присутствие было замкнуто и отдельно от него существовал замкнутый мир. Бытие Присутствия в его основоустройстве бытие-в-мире *всегда* разомкнуто, а мир, с которым оно «встречается» благодаря подручному, — это не объективный мир здравого смысла, а феноменальный мир Присутствия. Термин «встреча» у

⁴⁵ Хайдеггер М. Бытие и время.

⁴⁶ См.: там же. С. 88.

⁴⁷ Там же. С. 77.

⁴⁸ См.: там же. С. 83—84.

⁴⁹ См.: там же. С. 85.

⁵⁰ Там же. С. 84.

⁵¹ Там же.

Хайдеггера именуется способ установления связи между Присутствием, которым всегда являюсь я сам, и не-Присутствием, не мною. В случае установления такой связи с миром «встреча» имеет специфику «имения-дела».

Таким образом, целость отсылания, в которой размыкается бытие Присутствия, есть допущение-встречи с тем, *что* встречается в разомкнутости бытия Присутствия. Если допущение-встречи высвечивается способом имение-дела, то в разомкнутости бытия Присутствия встречается подручное как *средство для...* Имея это в виду важно зафиксировать размечающий характер отсылания. Целость отсылания *размечает* открытость выставленности и выстаивания бытия «вот» Присутствия. Именно целость отсылания как условие разметки разомкнутости бытия Присутствия позволяет разомкнутости заранее тематизировать допущенное к встрече сущее.

Определив размечающую («заранее тематизирующую») способность отсылания в размыкании бытия Присутствия, еще не удалось прояснить, как, каким образом понимание «участвует» в этой разметке? Ведь расположение, несомненно, тоже способствует разметке размыкания уже хотя бы тем, что бытие Присутствия размыкается всегда в какой-либо модальной настроенности. Однако, как уже было отмечено выше, приоритет в опережающем размыкании Хайдеггер все же отдает пониманию. Весь раздел, посвященный рассмотрению отсылания, он связывает с пониманием, определяя его как «себя-отсылающее понимание»⁵². Более того, углубляя свой анализ «целости отсылания» как системы отношений отсылки, философ прямо указывает на понимание как на то, что само в себе несет эту систему отношений отсылки⁵³. Понимание в своей размыкающей ипостаси здесь само определяется в этих отсыланиях как то, что на-значает. И через это на-значающее самому себе понимает свое бытие и свое можествование бытия-в-мире. Это понимание как отнесение системы отсылки к своему «могу» бытия-в-мире (то есть как соотнесение) Хайдеггер называет «значимостью»⁵⁴. В отсылающем назначении понимание устанавливается как опережающее размыкание, как заранее тематизирующая разметка.

Опережающее размыкание понимания реализуется не только в системе отсылки. Благодаря целости отсылания размечается, точнее, предразмечается, открытость для встречи с внутримирным сущим (подручным или наличным). В иных экзистенциалах Хайдеггер описывает возможность «встречи» Присутствия с самим собой.

Понимание и набросок

Отталкиваясь от интерпретации понимания как целости отсыланий Присутствия в имение-дела, Хайдеггер обращает внимание на то, что сама целость отсыланий в качестве основания имеет отнесение к Присутствию, означенное им «ради-чего»⁵⁵. Понимание как опережающая разомкнутость и есть размыкающее отнесение «ради-чего». В этом «ради-чего» основывается и размечается значимость как условие можествования именя-дела, условие

---

⁵² См.: там же. С. 86.

⁵³ См.: там же. С. 87.

⁵⁴ См.: там же.

⁵⁵ См.: там же. С. 143.

встречи с внутримирным сущим и, в конце-концов, как условие мирности мира. Размыкание «ради-чего» и значимостью — это необходимые и достаточные условия «полного бытия-в-мире». Иначе говоря, размыкание касается и мира, и других, и самой экзистенции Присутствия. Значимостью размечается мирность мира, а «ради-чего» размыкает возможность встречи со своим умением быть. Рассмотрим эту возможность подробнее.

В понимании Присутствие *знает* как «оно есть». Но это «знание» в размыкании пониманием не есть знание «что оно есть», но знание *как* оно «умеет быть»⁵⁶. В своем умении быть оно есть «могущее-бытие» и в этом своем «можествовании» раскрывается как «своя возможность»⁵⁷. Это не возможность произвола, неосознаваемого случая или логическая возможность. Возможность быть в устройстве Присутствия Хайдеггером проясняется не в качестве модальной категории, которая характеризует наличное бытие наряду с категориями «действительность» и «необходимость». Возможность в размыкании пониманием обнаруживается как экзистенциальная характеристика бытия Присутствия, достаточно важная его характеристика. «Возможность как экзистенциал, — пишет Хайдеггер, — есть ... исходнейшая и последняя позитивная онтологическая определенность присутствия»⁵⁸. Последняя в том смысле, что в ее основании или ее условием не является более *никакая позитивная онтологическая* определенность, напротив, все остальные позитивные онтологические определенности Присутствия *исходят из* возможности.

Присутствие расположением уже настроено на возможности, брошено в них. Это означает, что «присутствие есть ему самому врученное могущее-бытие, целиком и полностью *брошенная возможность*»⁵⁹. Именно в можествовании-быть Присутствия содержится возможность «для самого своего умения быть». Эта возможность мочь быть самим собой открывается благодаря пониманию, так как «могущее бытие себе самому в разных возможных способах и степенях прозрачно»⁶⁰. Прозрачность бытия Присутствия самому себе, размыкаемая пониманием, не вручается ему с необходимостью. Бытие собственным самому Присутствию доступно лишь в модусе собственного понимания, о чем речь пойдет ниже.

В своем умении быть Присутствие пониманием размыкает мир как возможную значимость и высвобождает внутримирное сущее на его возможности. Хайдеггер ставит вопрос: почему понимание в размыкании пробивается всегда к своим возможностям? И отвечает: потому что понимание само по себе имеет экзистенциальную структуру *наброска*⁶¹. Набрасывающий характер понимания есть лишь модальность размыкающего броска, каковой в расположении является брошенность. Набросок понимания есть «экзистенциальное бытийное устройство простора фактического умения быть»⁶². Раз-

---

⁵⁶ См.: Хайдеггер М. Бытие и время.

⁵⁷ См.: там же.

⁵⁸ Там же. С. 143–144.

⁵⁹ Там же. С. 144.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ См.: там же. С. 145.

⁶² Там же

мыканием Присутствие брошено в способ бытия наброска. Оно понимает себя всегда из возможностей, поэтому набрасывающий характер понимания не является ни планирующим, ни конципирующим тематически. Сами возможности до броска не существуют, и лишь «набросок в броске предбрасывает себе возможности как возможности и как таковым дает им *быть*»⁶³. Предбрасыванием себе своих возможностей наброском размечается (но не планируется и не конципируется!) «вот» бытия Присутствия.

Понимание есть свои возможности, которые высвечиваются только в наброске. Оно целиком и полностью ими пронизано. Понимание, вкладывая Присутствие в наброске на одну из возможностей, не отменяет другие. Вкладывание себя пониманием в одну из возможностей есть экзистенциальная модификация наброска как целого⁶⁴. Разные модификации наброска по-разному определяют размыкающую способность понимания. Вкладывая себя пониманием в разомкнутость мира, Присутствие первично может понять себя как из своего мира, так и из своей экзистенции. Эти модификации наброска позволяют пониманию быть несобственным или собственным. Набрасывание на мир или на экзистенцию не является двумя альтернативными вариантами размыкания пониманием. Скорее, они «содержатся» друг в друге. В понимании мира всегда понята и экзистенция как бытие-в, а понимание экзистенции как таковой всегда есть понимание мира⁶⁵.

Таким образом, понимание и его набрасывающий характер позволяют Присутствию обрести конституцию своего бытия «вот» и задают онгическую определенность этому бытию. В заметке на странице 145 Хайдеггер пишет: «Но кто есть „ты“? Тот, каким себя ты *выбрасываешь* — каким ты *становишься*»⁶⁶. Размыкание наброском проясняется как специфический способ встречи Присутствия с самим собой.

Понимание и толкование

Проясняя набрасывающий характер понимания, Хайдеггер отмечает, что сами возможности бытия-вот Присутствия возникают в предбрасывании наброска. Что собою представляет это «предбрасывание»? Какой феномен обнаруживается этим «предбрасыванием наброска»? «Предбрасывание себе возможности» есть не что иное, как обретение формы, «оформление» наброска в броске. Набросок понимания, пишет Хайдеггер, имеет свою возможность формировать себя. Это формирование он называет *толкованием*. Толкованием понимание усваивает встречное, разрабатывая набросанные в понимании возможности. В толковании понимание становится самим собой, а именно *уясняющим видением сущего в истине его что*. Разработка брошенных наброском возможностей позволяет встречное осваивать как *нечто*. «Разомкнутое в понимании, понятое, всегда уже доступно так, что по нему можно выражение выявить его “как что”»⁶⁷. «Как», образуя структуру понимаемого встречного,

---

⁶³ Там же.

⁶⁴ См.: там же. С. 146.

⁶⁵ См.: там же.

⁶⁶ См.: там же. С. 442.

⁶⁷ Там же. С. 149.

конституирует толкование. Как-структура толкования дает возможность Присутствию, с одной стороны, совершить предразметку встречного, а с другой — понимающе видеть встречное как нечто до всякой предикации.

«Предбрасывание» обнаруживается в феномене толкования. Как-структура толкования кажет само «предбрасывание» как сложнорасчлененный феномен, образованный предвзятием, предусмотрением и предрешением, которые фундируют толкование, задавая его как-структуру. Рассматривая пред-структуру понимания и как-структуру толкования, Хайдеггер ставит ряд вопросов: являются ли эти феномены «окончательными», «априорными», как они соотносятся между собой, имеют ли они экзистенциально-онтологическую взаимосвязь с феноменом наброска? На последний вопрос ответ уже был получен, так как толкование есть феномен формирования наброском самого себя. Вопрос об «окончателности» может быть решен выяснением соотношения пред-структуры понимания и как-структуры толкования. А их отношение Хайдеггер предлагает рассмотреть в направлении прояснения вопроса: «не представляет ли то, что увидено как п р е д-структура понимания и ква к а к — структура толкования, само уже единый феномен?»⁶⁸

Ведя свой анализ в определенном такой постановкой вопроса направлении Хайдеггер в качестве такого феномена называет *смысл*. Ход его рассуждения следующий. В наброске понимание размыкает встречное сущее в свих возможностях. Возможный характер всякий раз отвечает образу бытия встречного сущего, так как сама встреча представляет собой проекцию сущего на «мир» как целое значимости, в которое уже встроено бытие-в-мире Присутствия. Открытость встречного сущего в бытии «вот» Присутствия есть его понятность. В своей понятности встречное сущее «имеет *смысл*»⁶⁹.

Смысл в экзистенциальной аналитике Хайдеггера предстает как экзистенциал, структурно оформляющий в понимании то, что встречается Присутствию в понимающем размыкании. *Смысл — это «формально-экзистенциальный каркас» встречающегося, который формируется в наброске понимания на свои возможности*. До наброска смысла не существует. Он не является ни «свойством» встречаемого в наброске, ни «свойством» самого наброска. Смысл — это артикулируемое в понимающем размыкании. Расчленение «в-видах-чего» наброском понимания и есть смысл. Членением встречаемое приводится к понятности, поэтому в размыкающем понимании, пишет Хайдеггер, понят, строго говоря, не смысл, а встречное сущее, соответственно, бытие⁷⁰. Коротко смысл можно определить как расчлененное «в-видах-чего» наброска, благодаря которому понимается встречаемое в разомкнутости бытия Присутствия. Этим структурным членением, артикуляцией «держится понятность чего-либо». Важно здесь зафиксировать три момента. Первый состоит в том, что смысл — это структурное расчленение, артикуляция встречаемого в понимающем размыкании. Второй момент фиксирует «формируемость» этого структурного расчленения в наброске понимания. Третий обращает внимание на то, что смыслом, как

---

⁶⁸ Хайдеггер М. Бытие и время. С. 151.

⁶⁹ См.: там же.

⁷⁰ См.: там же.

артикуляцией «в-видах-чего» наброска, встречающееся становится доступно и может быть понято как что.

Таким образом, как-структура толкования действительно имеет свое основание в наброске понимания и представляет собой смысл как формально-экзистенциальный каркас встречного сущего, артикулированный толкующим пониманием. Однако, как уже было показано выше, артикуляцией понятности является речь. Возникает вопрос: в каком отношении находится речь со смыслом и токованием? У Хайдеггера есть недвусмысленное определение отношения речи и смысла: «Артикулируемое в толковании, исходнее стало быть уже в речи, мы назвали смыслом»⁷¹. Смысл — это артикулируемое в речи. А что в речи открывается как артикулируемое? То, что *встречается* в разомкнутости бытия «вот» Присутствия. Смысл, как «формальный каркас» расчлененного встречаемого в разомкнутости, удерживает артикулированное встречное и тем самым позволяет ему встретиться как что. Смысл не есть само членение, не есть артикуляция, он есть «структурность» артикуляции. А самой артикуляцией является речь. Именно она и формирует набросок, обуславливая усвоение встречаемого в разомкнутости бытия «вот» Присутствия.

Отношение речи и толкования определено тем, что речь выступает основанием толкования. Толкование — это феномен формирования наброском самого себя. Формирование представляет собой разработку набросанных в понимании возможностей. В этой разработке размыкается встречное сущее как что. Размыкание здесь есть усмотрением открываемое, то есть как истолкованное. Производной формой толкования является высказывание в значениях показывания, предикации и сообщения. «Высказывание есть сообщающее определяющее показывание»⁷². Последнее значение имплицитно содержит в себе и первые два. Высказывание как сообщение позволяет разделить встречное сущее в его определенности с другими. Это «разделение» с другими в высказывании как сообщении производится *без того*, чтобы другие имели возможность видеть или осязать само сущее. Толкование позволяет «сообщить» о встречном сущем как о нечто, то есть как том, что имеет смысл. Но само толкование этот смысл не формирует. Он формируется артикуляцией речи, так как речь есть «значимое членение расположенной понятности бытия-в-мире»⁷³. Таким образом, речь как значимое членение «строит» толкование, то есть «вносит» в него значимость целого отсыланий и тем самым его артикулирует.

Речь конститутивна не только для толкования, но и для отсылания и для наброска. Однако именно в понимании эти три феномена определяют специфику встречи с сущим. Толкованием в понимании «встречается» присутствиеразмерное сущее, отсыланием — мироразмерное сущее, а наброском — самость Присутствия.

* * *

Итак, что удалось узнать о понимании как феномене фундаментальной онтологии Хайдеггера. Прежде всего, то, что понимание есть феномен открытости (у Хайдеггера разомкнутости) человеческого бытия. Человеческое бытие как

---

⁷¹ Там же. С. 161.

⁷² См.: там же. С. 156.

⁷³ Там же. С. 162.

бытие «вот» есть бытие открытое в смысле его способности вступать в отношение с существованием любых других сущих, как существующих по способу бытия «вот», так и иными способами.

Открытость бытия «вот» есть не просто бытие открытым в смысле постоянной распахнутости, но как бытия, всякий раз выходящем-из, в котором состояния «прежде», «теперь», «потом», «здесь» и «там» не тождественны. В каждом своем состоянии бытие «вот» всегда иное. Открытость бытия «вот» предполагает возможность любых состояний, подобно античному богу Протею.

Открывающееся пониманием бытие «вот» «выходит» за пределы своего «вот», бытийствует в мире и «впускает» мир в свое «вот». Хайдеггер подробно описывает «выхождение» в феноменах брошенности и наброска. Роль этих феноменов в экзистенциальной аналитике понимания заключается в первичном различении того, *что* встречается в бытии «вот». Первичное различение совершается с помощью тех возможностей, которые предбрасываются в броске бытия «вот» и которые лишь в этом броске оформляются. Набрасывающие возможности «захватывают», конципируют встречаемое сущее и, таким образом, «вводят» его в круг бытия «вот». «Вводить в круг» здесь еще не означает «понимать», находиться в состоянии знания «*что* есть», но лишь означает состояние «*нечто есть*».

Различающие возможности наброска обусловлены тем, что открытость бытия «вот» у Хайдеггера обеспечивается расположением, пониманием и речью. Расположенность бытия «вот» позволяет ему встретить сущее, «настроиться», так как бытие в мире бытия «вот» так или иначе всегда уже задето в своем расположении. Задеванием бытие «вот» встречает сущее, точнее, его существование, фиксирует «*нечто есть*». Перевод неопределенного *нечто* в определенное *что* совершается членением *нечто* сообразно размыкающим возможностям наброска бытия «вот» и завершается в толковании артикулирующей речи. Лишь в артикуляции речи встречаемое в задевании сущее открывается в своем *что*, то есть как *это* сущее.

Можно ли говорить, что в такой конструкции расположение и речь выступают условиями понимания и не противоречат их равноисходности? Можно. Но лишь в том случае, если и расположение, и речь сами выступают модусами понимания. В этом случае расположение есть не что иное, как понимание, расчлененное задеванием, а речь — понимание, артикулированное толкованием. Тогда открытость бытия «вот», его разомкнутость есть понимание в единстве своих модусов — настроенности, броска и толкования.

Исчерпывается ли этим описанием структурного состава понимания его «механизм» размыкания бытия «вот», его «выход-впускание»? Нет, не исчерпывается. Остается непроясненным сам принцип его раскрывающей способности. Необходимо получить ответ на вопрос: как открывается истина сущего в размыкании бытия «вот»? Или по-иному: как мне в моем бытии «вот» открывается истина «Я есть»? Ответ на этот вопрос можно получить, лишь рассмотрев экстатику понимания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. Москва : Ad Marginem, 1997.